

— Вы хотите сказать, что этот Фу — из той самой семьи Фу? Если так, то происхождение Сяо Цзэ становится еще более значимым. С таким происхождением кто осмелится тронуть Сяо Цзэ?

— Ты чего не понимаешь? У них в семье кровь ледяная, для них нет понятий добра и зла, лишь верность государю. Они нейтралы, им всё равно, кто глава государства, они подчиняются только главе государства и никому больше. Это фанатики, что слушают только приказы лидера, остальное их не волнует.

— Разве это не хорошо? Сейчас семья Цзэн... Неужели он не должен слушать семью Цзэн? К тому же Сяо Цзэ считают крестным внуком семьи Цзэн, он оказал милость Сяо Сяо. Разве перед семьей Фу не стоит держать спину прямо?

— Ты ничего не понимаешь. Ты разве не знаешь, как появился Сяо Цзэ? Помнишь, в каком он был состоянии, когда ты его впервые увидел? Ты правда думаешь, что Хань Цзэ сможет их просто так простить? Всё это косвенно случилось по вине семьи Фу. Если бы тогда они не исчезли без вести, едва узнав о беде семьи Хань, сегодняшнего бы исхода не было.

— Но тот человек в инвалидном кресле, он же не похож на злодея? — Цинь Янь пребывал в замешательстве. Фу не казался тем типом, кто бросает людей.

— Ты уже столько времени крутишься в этих кругах, и всё еще думаешь, что у злодеев на лбу написано? Парень, ты еще слишком зелен.

Цинь Янь хотел было возразить, но передумал и просто кивнул:

— Папа прав.

В углу, куда не видел сын, Цинь Вэньяо нахмурился брови:

— В инвалидном кресле, парализован?

Похоже, придется послать людей проверить. Нельзя допустить ошибки в такой ответственный момент. Хань Мэйцзы и Сюй Имин собираются пожениться, и в обществе эту пару очень ждут. Нельзя позволить Фу Чжэнсюню всё испортить. Мэйцзы и так досталось слишком много, пора бы ей и познать счастье.

В этот момент зазвонил телефон Цинь Яня. Он поднял трубку:

— Да, кто это?

— Яньцзы, быстро веди Сяо Цзэ сюда, развлекся! Тут сварливая баба из семьи Ху устроила дебош, зрелище — не для слабонервных.

Цинь Янь, движимый любопытством, крикнул Цинь Вэньяо, что идет, и выбежал прочь. Он помчался во двор к Сюй Ляну, а по дороге, проезжая мимо дома Хань, заехал за Хань Цзэ.

Они добрались до дома Сюй Ляна с максимальной скоростью. Только они вошли во двор, как увидели Сюй Ляна: он стоял на лестнице-стремянке у самого угла стены и глядел через забор на соседний двор семьи Чжэн. Там сейчас творился переполох.

Увидев гостей, Сюй Лян велел охране принести несколько высоких табуретов, чтобы те могли встать и посмотреть поверх стены. Цинь Янь и Хань Цзэ забрались на табуреты и выглянули из-

за бортика, стараясь не показывать целиком головы, лишь глаза да макушки.

Они увидели, как сварливая баба из семьи Ху яростно колотит какую-то женщину. Та не решалась давать сдачи, из-за чего сварливая баба успела несколько раз её исцарапать, нанеся немалый урон. Бедняге явно не повезло.

Лишь после того как Сюй Лян тихонько объяснил им суть происходящего, Цинь Янь и Хань Цзэ поняли, в чем дело. Это был настоящий суицид!

Оказывается, после того как несколько дней назад скончался старейшина Чжэн, правительство помогло пристойно похоронить старика. Похороны прошли очень торжественно, на прощание пришли люди из самых разных слоев общества, даже находящийся за границей старейшина Цзэн прислал венок и собственноручно написал траурную надпись.

После похорон правление жилого комплекса не раз наведывалось сюда с вежливыми намеками: семье Чжэн Эра лучше съехать, пока еще не наступил Новый год. Но сварливая баба из семьи Ху не желала уезжать, заявляя, что дом дедушка оставил Чжэн Лианю, и никуда не уедет, буяня и пренебрегая приличиями.

После нескольких неудачных попыток директор правления, тот самый человек, которого сейчас избивали во дворе, официально уведомил их о необходимости немедленного выселения. В противном случае будут применены принудительные меры. Он также подчеркнул, что дом является государственной собственностью, не принадлежит частным лицам, и что семья Чжэн Эра вообще не имеет права здесь проживать. Им поставили жесткий срок: до 25-го числа двенадцатого лунного месяца они должны покинуть помещение, иначе будет применена сила.

Сегодня как раз было 25-е число. Директор Ли пришел с людьми, чтобы принять дом. Но, очевидно, семья Чжэн не собиралась переезжать. Тогда директор в весьма категоричной форме потребовал, чтобы они съехали сегодня же, иначе выселение пройдет в принудительном порядке.

В ответ сварливая баба из семьи Ху без лишних слов накинулась на директора Ли и начала его хлестать по щекам, повергнув того в замешательство. Когда он наконец опомнился, он стал закрывать лицо и приказал членам правления немедленно вызвать караул жилого комплекса, чтобы задержать сварливую бабу. Охранники семьи Ху не бросились помогать: они уже устали от её выходок и в душе надеялись, чтобы она скорее съехала. Тогда во дворе станет спокойнее, а их переведут на другую работу, подальше от этой позорящей их семьи. У этой женщины совершенно не было ни такта, ни воспитания, и им было стыдно за нее.

Чжэн Эр в доме холодно наблюдал за тем, как его жена устраивает сцену. Он не хотел выходить: если выйдет, обратно уже не вернется. Хотя дом снаружи и был, жить там было не так удобно, как здесь. Здесь условия были лучшие, и ничего не надо было платить за коммуналку. К тому же все его деньги сейчас были заморожены в акциях Ганчэна, на них он сидел как на иголках. На руках оставалось лишь еле-еле на пропитание, да и сын наверху лежал, деньги были нужны ему.

Чжэн Лиань наверху был связан: с ним проводили принудительное лечение от наркотической зависимости. В последние дни ему стало чуть легче, наметилась тенденция к выздоровлению. Но сейчас из-за шума на улице у него разболелась голова. Он закричал, зовя людей, но когда налетела ломка, муки были невыносимы. Дома боялись, что он прикусит язык, поэтому заткнули ему рот кляпом. Теперь, когда он пытался кричать, звуки не выходили. Он ярился, готовый взорваться от злости, и начал дергаться, но нечаянно дернул рану на теле. От резкой

боли он громко вскрикнул и едва не потерял сознание.

На самом деле сварливая баба из семьи Ху не хотела уезжать, но понимала: стоит ей уйти, и жизнь богатой дамы закончится раз и навсегда. К тому же сын в таком состоянии — куда им деться? В Ганчэне все еще идет расследование их дела, результатов пока нет. А этот подлец Чжэн Эр денег тоже не имеет. Она никогда не согласится съехать, рассчитывать на помощь родни тоже бесполезно. Когда старейшина Чжэн был жив, они еще смотрели на нее с уважением, но как только старик умер, сразу заявили, что больше не будут вмешиваться в их дела. А если они съедут, что тогда будет?

Но как говорится, беда не приходит одна. Пока тут был переполох, вошла группа людей, и один из них протянул повестку в суд, забирая Чжэн Эра. Тот, естественно, не хотел идти, но судебные органы не терпят отказов. Его забрали сразу: та девушка из Ганчэна подала в суд на него за изнасилование, а еще он брал взятки, пользуясь именем старейшины Чжэна. По совокупности преступлений ему, скорее всего, не выйти на волю десятки лет. Теперь стало еще шумнее.

В конце пришел взвод охраны комплекса и силой «помог» сварливой бабе из семьи Ху с сыном съехать. Погрузили целую кучу грузовиков. И только когда уже ничего не осталось, Чжэн Лианя вынесли на носилках. Лежа на носилках, он оглядывался по сторонам, пытаясь в последний раз взглянуть на этот двор. Случайно он заметил на стене, соседствующей с домом Сюй, несколько маленьких голов. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: это была компания Цинь Яня. В этот момент ему было необычайно стыдно. Когда-то, полный амбиций, он произносил громкие речи, а теперь его выгнали из жилого комплекса, да и тело было покалечено. В конечном счете всё это было из-за плохого воспитания в семье. Если бы его учили как следует, такого бы не случилось. Но он поклялся, что однажды превзойдет этих ребят. Так было положено начало конфликта с шайкой Цинь Яня. Ненависть — вещь порой непредсказуемая!

Несколько больших грузовиков увезли вещи семьи Чжэн за пределы комплекса. Люди из правления остались убирать во двор, готовя его к приезду следующей важной персоны...

Так и прошло: «Ты спел, а я запеваю». Лишившись защиты предков, семья Чжэн покинула сцену в этом обществе, и душа старейшины Чжэна, всю жизнь посвятившего служению в армии, не могла найти покоя даже после смерти! Грех! Человек, который мог бы прожить больше восьмидесяти лет, ушел из жизни, не дожив и до семидесяти...

<http://bllate.org/book/16662/1527756>